

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА В ВОСПОМИНАНИЯХ ИГОРЯ АВДИЕВА

Вен. Ерофееву славу в кругах литературного подполья принесла поэма в прозе «Москва – Петушки» – одно из первых произведений русского постмодернизма, осуществлявшее кардинальную переоценку ценностей и созданное посредством деконструкции культурного интертекста. Присутствие в поэме образа Венички Ерофеева усиливало интерес к самому автору. В представлении многих художественный персонаж слился с самим писателем, его фигура подверглась мифологизации. Большинство увидело в Вен. Ерофееве юродивого Христа, распинаемого невыносимой действительностью и защищающегося от нее трагикоироническим смехом и «выпадением из реальности». Сразу после смерти писателя в 1990 г. в журнале «Театр» (1991, № 9) появились воспоминания о нем принадлежавших к ближайшему окружению Вен. Ерофеева. Живые сцены из ерофеевской жизни, воссоздающие саму ее атмосферу в канун создания «Москвы – Петушков», дал в своем беллетризованном повествовании поэт Игорь Авдиев.

К Вен. Ерофееву, рассказывает Авдиев, его привело сближение в 1966 г. с владимирской «сектой» – группой вольномыслящих парней: Борисом Сорокиным, Владимиром Цедринским, Андреем Петяевым, Валерой Масловым, Сашей Филипповым, а также со «связным из центра» – наезжавшим из Москвы Вадимом Тихоновым. Все они были помешаны на запрещенной поэзии и музыке и, собираясь вместе, читали наизусть стихи Гумилева, Ходасевича, Заболоцкого, Хармса, Верхарна, Бодлера, Галчинского, Бродского, пели под гитару Окуджаву, слушали Вагнера, Бетховена, Стравинского, Мольера, Шенберга, Пендерецкого. Сорокин и Тихонов и привезли Авдиева в Петушки (а точнее – в деревню Мышино под Петушками, где жил тогда с женой и ребенком 28-летний Вен. Ерофеев) для прохождения своего рода конфирмации (уже тогда Вен. Ерофеев воспринимался ими как личность исключительная – одновременно и друг, и гуру). Авдиев описывает убогую обстановку деревенского дома с единственной отапливаемой зимой комнатой, половину которой занимала русская печь с лежанкой, и замечает: «Что интересного в бочке, если в ней не ночевал Диоген...» [1, с. 112]. Знакомство-инициация начинается с выпивки и сопровождающей ее словесной игры, принимающей форму глумливо-иронического обстрела: Вен. Ерофеев прежде всего хочет понять, не стукач ли явился, стоит ли с «новеньким» поддерживать отношения. Вместе с женой он и разыгрывает партию «разоблачения стукача», приписывая Авдиеву гнусные помыслы и наблюдая за его реакцией:

– Да, Сорокин, кстати о владимирских поэтах, – сказал Вения. – Опять стукача привезли?

– Ой, – запричитала девка, – такой молоденький и уже стукач.

– <...>... В этом Владимире поэты, писатели и священники, комсомольцы и говночисты, пенсионеры и журналисты... тьфу, всю сволочь не перечислить, – все стукачи или доносчики... Во Владимире стучат до соития и после зачатия, и во время зачатия стучат друг на друга. <...>

– Налей, налей ему, собаке! – сказал Вения. – развяжи ему, гаду, язык» [1, с. 112].

Импровизирует на избранную тему Вен. Ерофеев без напряжения, говорит язвительно, образно, попутно потешая друзей и себя самого. Чувствуется, что он любит поупражняться в остроумии, подчас безжалостном и болезненном для других. Но за нападка и сентенциями Вени стоит опыт пережитого, в том числе – во Владимире в период обучения в пединституте. Он вспоминает

Рождественский монастырь в центре города, превращенный в политическую тюрьму, где столько людей измордовали, – от Д. Андреева до В. Буковского. В Москве же, признается Веня, он не может заставить себя на Красную площадь пройти, к Кремлю – ему кажется, что там пахнет кровью, уже на Пушкинской «трупином воняет», и его тошнит. Скорее, это компонент творимой импровизации – перевод в буквальный план понятия, отражающего отвращение к запятнавшей себя кровью власти. У Вен. Ерофеева такие вещи идут в одном ряду, серьезное и комическое также постоянно переходят друг в друга. И упражнения Вени в остроумии могут граничить с издевательствами. Он доводит Авдиева до того, что тот бросается на Вен. Ерофеева с кухонным ножом, правда, выбитым из рук Тихоновым. «На протяжении Вениной жизни на него бросались с кулаками, замахивались ножом, стреляли из ружья...» [1, с. 113], – попутно сообщает Авдиев. Лишь со временем он понял, что проходил установленный Вен. Ерофеевым ритуал: «Бессердечно остроумные, немилосердно парадоксальные обвинения обрушивались на новичка. Неофит барахтался: обижался, гневался, заносился от гордости, и срывался в отчаянье. Не одного слабака, Вадя, стукача – заплеванного и измордованного выплескивали, как помои, за порог, и он исчезал» [1, с. 113].

Сильны в импровизациях Вени элементы придуривания и юродствования, желание озадачить. Отсюда и склонность к парадоксам и комической абсурдизации, выставлению себя в смешном виде. Вот продолжение жестокого розыгрыша:

Боря: <...> Веня, ты что, доносов боишься?

Веня: Это ты, Сорокин, не боишься. А я – боюсь. Я люблю бояться. Я вот пыток боюсь. Тебя, Сорокин, ногами бить будут, и ничего не отобьют, и ничего не выбьют.

Вадя: Из Сорокина нечего и вышибать, у него ничего нет ни за душой, ни в сердце.

Веня: Вот-вот. А когда есть что-нибудь за душой и в сердце, человек всего боится. Я, например, щекотки боюсь. Ногами будут бить – еще потерплю с полчаса. А вот щекотаться будут – все расскажу. Чего не знаю, расскажу... У меня очень много щиколоток и подмышек. Они у меня повсюду. Честный человек должен иметь много щиколоток и подмышек и бояться щекотки» [1, с. 112–113]. Тут явственно проступает предпочтение «негероического» – «героическому», возводящему принятие мук и смерти в норму, отталкивание от социальной психологии «самурайства» как образца. Если она укоренилась в обществе, значит социум потрясает экстремальные ситуации, получившие перманентный характер и вызываемые искусственно. Вен. Ерофеев отстаивает психологические нормы, соответствующие природе человека, который боится, если есть повод для страха. Дегероизация, распространяемая и на самого себя, – принципиальная позиция Вени. Но и она облекается в комедийную форму посредством использования отстраненного словосочетания «люблю бояться». Любить свой страх – уже перебор, и Вен. Ерофеев явно валиет дурака, приписывая себе иную (нежели героизм) крайность. Буквализирует он фразеологизм «бояться щекотки», опять-таки дурашливо приравнивая щекотку к пытке, а пытку метафорическую – к реальной. Таким образом утверждение сопровождается у Вен. Ерофеева его комедийным снижением. Это позволяет избежать абсолютизации. Шутливые измышления по поводу множества щиколоток и подмышек – тип перифразы, способ сказать о своей ранимости, «не распуская слюни».

«Переговорить» Веня, кажется, может любого и оставляет последнее слово за собой, неожиданным оборотом поставив другого в тупик.

Пришедший, наконец, в себя, Авдиев пытается оправдаться:

– Прости, я чувствую себя..., – но оборван на полуслове:

– Ты себя чувствуй, чувствуй! Себя надо чувствовать! И вести себя надо. Ты себя води [1, с. 113].

Фразеологизмы Вен. Ерофеев заменяет прямым значением составляющих их слов, так что их семантика меняется, получая комедийное наполнение. И все это экспромтом, безо всяких усилий, на ходу.

Словесный карнавал, активное словотворчество – вообще неотъемлемая примета увеселения себя в ерофеевской компании.

«Ну, конечно, эпицентром был Веня. Смех заражает сильнее, чем зевота, и лучше помирять со смеху, чем с тоски» [1, с. 109], – замечает Авдиев. Автор приводит многочисленные примеры игры со словом, которой ерофеевская когорта охотно предавалась. Например, у слова отсекалась начальная часть *не*, а оставшаяся интерпретировалась в утвердительном значении. Под выпивку рождались многочисленные окказионализмы – свидетельство одаренности ерофеевской братии:

– О Тихонов, ты недоумок!

– Почему же, очень даже доумок!

Слезы смеха брызнули и потекли беззвучно.

– Ты хочешь сказать, Тихонов, что ты – доучка! О доносок наглядный! О годяй и дотыка!

– Вежа и вежда! Взрачный и навистный!

– Дужный и настный! Такого взгоды не одолеют! <...>

– ...Тихонов, дай еще пожить... Ой, мамочки, – Веня катался с боку на бок» [1, с. 105].

Велась также изобретательная игра с фразеологизмами, включаемыми в новые словосочетания, получающие комедийную окраску:

– ... пойду умоюсь слезами...

– А ты умойся невидимыми миру слезами... [1, с. 106].

Популярен был цитатный язык вообще. Отправлявшегося в магазин за спиртным Вен. Ерофеев напутствовал словами:

– Беги, Авдяша. Беги в эти «гражданские сумерки», – как говорил граф Салтыков-Щедрин в прошлом веке...» [1, с. 106].

Постоянное цитирование, особенно стихов, указывает на обширную начитанность Вен. Ерофеева и его окружения, олитературивание той жизни, какой они жили.

Обстановка сборищ сравнивается И. Авдиевым с карнавалом в Телемском аббатстве Рабле, «куда пожаловали все скоморохи Господа Бога» [1, с. 109].

В этой атмосфере и родилась поэма «Москва – Петушки», куда Вен. Ерофеев поместил в качестве персонажей своих друзей, ввел выработанный в общении с ними язык, запечатлел по всем внешним показателям безнадежный, но творчески плодотворный период своей жизни. Из «валявшегося под ногами» он создал шедевр.

Литературный портрет Вен. Ерофеева, созданный в воспоминаниях Авдиева, – яркий и достоверный; он сохраняет для потомков живой облик писателя, со временем наделенного мифотворческим ореолом.

Литература

1. Авдиев, П. [О Венедикте Ерофееве] / И. Авдиев // Театр. – 1991. – № 9.

Н. В. Соловьёва (Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТИТУЛА *ЦАРЬ*

Царь, пожалуй, самый известный и в то же время загадочный титул русских правителей. Как правило, *царь* рассматривается как результат